

Интервью с ведущим редактором и составителем Богослужебных указаний протоиереем Сергием Ванюковым

13.02.20

Одной из традиционных забот отцов-настоятелей перед наступающим новым годом является приобретение для храма необходимого количества новых выпусков Богослужебных указаний — издания, которое уже десятилетия помогает духовенству и клиросу при составлении церковных служб. Ведущим редактором и составителем этого издания многие годы является выпускник и до недавнего времени преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Сергей Ванюков. «Всероссийский уставщик» ответил на вопросы редакции портала ПСТГУ.

— Отец Сергей, как Вы оказались главным редактором Богослужебных указаний?

— В начале 2004 года меня пригласили в Издательство Московской Патриархии дать несколько консультаций по вопросу подготовки Богослужебных указаний на 2005 год. Я представил определенные замечания и предложения, которые были учтены при составлении книги. Хотя мое участие в публикации этого издания было совсем незначительным, редакция посчитала целесообразным включить мое имя в число составителей.

В конце 2004 года в Издательстве Московской Патриархии произошли структурные изменения, в результате которых я стал работать над Богослужебными указаниями на постоянной основе в должности ведущего редактора. С тех пор вот уже более пятнадцати лет я являюсь составителем этого ежегодника, а также участвую в подготовке к выпуску официального календаря в его литургической части.

— Расскажите, как проходит подготовка очередного выпуска указаний? Сколько времени это занимает? С какими сложностями приходится сталкиваться?

— Процесс подготовки достаточно сложный и продолжительный. Почти сразу после выхода в свет очередного выпуска мы приступаем к работе над новым изданием. Весь процесс занимает около одиннадцати месяцев. Каждый год имеет свои календарные особенности, которые в значительной степени влияют на богослужение. Сочетание подвижного и неподвижного годовых циклов вкуче с чередованием гласов, зависящих от даты празднования прошедшей Пасхи, а также происходящий ежегодно сдвиг чисел месяца по отношению к дням недели придает каждому году только ему присущую литургическую неповторимость.

Как известно, великий индиктион составляет 532 года. По его истечении даты празднования Пасхи следуют в том же порядке, как в предшествовавший период, а параметры богослужения в течение всего года в точности повторяются. Однако литургическая жизнь Церкви не стоит на месте: ежегодно появляются новые праздники, канонизируются святые, утверждаются новые богослужебные тексты. При подготовке к выпуску Богослужебных указаний необходимо учитывать все эти обстоятельства. Именно они делают процесс составления творческим и придают ему определенную новизну.

— Сейчас иногда говорят, что процесс составления богослужения можно автоматизировать с помощью компьютерных программ, действительно ли это возможно?

Если нет, то почему?

— Я не являюсь программистом, поэтому не могу однозначно утверждать, реально ли создать программу, которая учитывала бы все литургические особенности года и в конечном итоге выдавала бы безупречную схему богослужения на каждый день. Не исключаю, что теоретически такое возможно. За те годы, что я составляю Богослужебные указания, мне несколько раз приходилось слышать о начале работы над подобными проектами. Обращались ко мне даже за консультациями в таких начинаниях.

Правда, о положительных результатах этих инициатив я не слышал. Возможно, причина состоит в том, что процесс работы над данной книгой, как я уже отмечал, в значительной мере является творческим, а потому не вполне поддающимся автоматизации.

Богослужебный устав — это предмет, который занимает в комплексе богословских дисциплин двойственное положение: с одной стороны, можно сказать, что это важнейший для священнослужителя предмет (очевидно, что священник должен уметь правильно совершать богослужение), с другой стороны, многие говорят, что предмет очень скучный и что наш Бог не формалист и не бюрократ. Так ли важен в этом случае богослужебный устав?

На мой взгляд, богослужебный устав является одним из ключевых предметов в системе духовного образования. Священник или готовящийся к принятию священного сана ставленник, который пренебрегает изучением литургики, выражает тем самым свое отношение не столько к знанию сухих схем различных чинопоследований, сколько к традиции Православной Церкви в целом. Этой традиции не одно столетие. Богослужение — сердцевина церковной жизни. Если Церковь (Глава Которой — Христос) установила определенный порядок совершения храмовой молитвы, то долг пастырей и сознательных мирян состоит в том, чтобы сохранить это наследие. А сохранить его можно только, полюбив и изучив. Другого пути нет. И дело здесь не в том, что утверждающий важность литургики как элемента духовного образования будто бы становится сторонником формализма (это совсем не так), а в том, что Сам Бог через действие Святого Духа в Церкви благоволил, чтобы литургическая традиция стала той формой, через которую преподается в Церкви благодать.

Бережное и трепетное отношение к церковным традициям восходит к первохристианским временам и простирается вплоть до эпохи новомучеников и исповедников Церкви Русской. Апостол Павел призывает коринфян: «Вся же благообразно и по чину да бывают» (1 Кор. 14:40) — и напоминает фессалоникийцам: «Темже убо, братие, стойте и держите предания, имже научистесь, или словом, или посланием нашим» (2 Сол. 2:15). Каждый ставленник перед хиротонией дает присягу, в которой обещает «богослужения и Таинства совершать с усердием и благоговением по чиноположению церковному, ничего произвольно не изменяя». Выполнение этого пункта присяги требует от священника не только глубокого изучения той литургической традиции, которой живет Церковь, но и искреннего стремления таким образом нести свое служение, чтобы по нерадению не исказить эту традицию, не нарушить ее, а стараясь по своим силам исполнить ее, передать это бесценное сокровище грядущим поколениям — тем, кто придет в Церковь Христову после нас.

— Ныне действующий устав — это устав монастырский, причем вполне пригоден он для монастыря, расположенного во вполне определенных климатических условиях. Почему,

никогда не исполняя этот устав на приходах всецело, приходским священникам и прихожанам, тем не менее, предлагается «притворяться» афонскими монахами?

— Не могу согласиться с тем, что нам в церковной жизни предлагается «притворяться» подвижниками. Каждый из нас одинаково призван к тому идеалу, о котором учил Христос, — и афонский монах, и московский мирянин. Пути достижения этого идеала различны, но от каждого Бог хочет искренности в стремлении послужить своему Творцу. Конечно, приходскому священнику и мирянину, которые обременены семейными заботами, зачастую сложнее двигаться по пути духовной жизни, чем монаху, который в постриге умирает для мира и, не имея многочисленных попечений, все свои силы может отдать духовным подвигам поста и молитвы.

Отвечая уже более конкретно на Ваш вопрос, могу сказать, что мне близка точка зрения на эту проблему одного из самых ярких и известных святых XX столетия, просиявшего в сонме новомучеников и исповедников Церкви Русской, — святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского. Будучи глубоким знатоком богослужения, он в течение нескольких лет принимал участие в подготовке к публикации календаря Московской Патриархии и первых выпусков Богослужебных указаний, которые выходили в 50-х годах прошлого века.

В своей книге «О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви» святитель Афанасий пишет, что наш Типикон представляет собой изложение идеального порядка богослужения, которое берет в качестве образца древнее многочасовое богослужение великих отцов и подвижников. Хотя в настоящее время лишь только в немногих обителях и храмах богослужение в той или иной мере приближается к порядку, изложенному в

Автор: Admin
13.02.2020 18:29 -

Типиконе, у нас нет какого-нибудь сокращенного Типикона или приходского богослужебного устава. И это обстоятельство, по словам святителя, имеет большое нравственно-воспитательное значение. По его мнению, наш Типикон в том виде, в каком он существует, является прежде всего постоянным напоминанием об идеале православного богослужения. А тот факт, что наше богослужение и наша молитва так далеки от начертанного Типиконом идеала, должен возбуждать в нас чувство смиренного сознания нашего несовершенства.

Святитель видит в действующем Уставе указатель к правильному устройению богослужебной жизни. Он пишет: «Наш Типикон — это вехи на пути молитвенном, указывающие нам протоптанные дорожки, прямо ведущие к цели, дорожки, протоптанные и истоптанные святыми угодниками и нашими благочестивыми предками. Зачем уклоняться на иные пути, зачем выискивать новые, когда по этим, как уже изведанным, безопаснее, легче, скорее, с меньшим трудом можно войти в труд всех предшествовавших поколений, пожалеть то, что уже посеяно иными, между прочим и для нас». Таким образом, святитель Афанасий затрагивает здесь важную проблему воспитательного значения Устава.

— Отец Сергей, Вы вспомнили о священнической присяге, когда ставленник обещает «богослужения и Таинства совершать по чиноположению церковному, ничего произвольно не изменяя», но при этом же очевидно, что ни один приходской священник не служит строго по Типикону. Например, я знаю историю, когда один из провинциальных священников, совершая всенощную на своем сельском приходе в присутствии епископа, до начала богослужения предупредил, что он служит всенощную без каких-либо сокращений, а после окончания богослужения сообщил архиерею, что все священнослужители, которые что-либо сокращают в службе, непременно попадают в ад. На что епископ, отличавшийся пастырским опытом, хорошим чувством юмора и рассудительностью, сказал, что поскольку за всенощной этот священник не соединял с канонами на утрени библейские песни (очевидно, что батюшка не отличался хорошим богословским образованием и не очень знал о том, что это такое), то в аду предстоит быть им обоим.

— Отдавая должное чувству юмора этого владыки и его рассудительности, не хотел бы глубоко вдаваться в полемику относительно текста священнической присяги. Могу лишь сказать, что, несмотря на очевидное несоответствие реального положения дел в вопросе совершения уставного богослужения на приходах тем требованиям, которые изначально предъявляются к ставленникам, Церковь не отменяет данный пункт священнической присяги. Думаю, что она руководствуется здесь тем же принципом, который изложил святитель Афанасий (Сахаров) применительно к Типикону как к примеру идеального порядка богослужения. Для иллюстрации этого подхода можно, на мой взгляд, провести аналогию с проблемой, которая относится к области нравственного богословия. Невыполнение большинством христиан во всей полноте Божиих заповедей не означает, что корпус этих заповедей должен быть пересмотрен и приведен в более подходящий для удобопреклонного ко греху человека вид.

Предполагаю, что будь у нас приходской Типикон, он тоже вряд ли бы всегда и всеми полностью исполнялся во всех своих тонкостях. Подтверждением этому предположению может служить пример греческих Церквей, в которых принятый в XIX веке приходской устав (так называемый Типикон Виолакиса) подвергается на практике сокращениям, сравнимым с сокращениями монастырского устава на приходах Русской Церкви. По моему мнению, если и приравнивать уставное богослужение к реалиям и возможностям конкретного прихода или монастыря, то лучше обращаться для этого к традиционному образцу, чем к его более поздней переработке.

— Отец Сергей, Вы поступали в ПСТГУ с мыслью о священстве или Вы пришли к решению о принятии сана в годы обучения в ПСТГУ?

— Желание стать священником у меня возникло еще в годы обучения в средней школе. Около полутора лет я был прихожанином Никольского храма города Солнечногорска, настоятелем которого в то время был протоиерей Иоанн Пташинский (отошел ко Господу в 2007 году). Его жизнь и служение, несомненно, оказали влияние на мое решение послужить Богу и Церкви в священном сане.

Отец Иоанн вступил на путь подготовки к священническому служению в один из самых тяжелых периодов истории Русской Церкви прошедшего столетия, который получил название хрущевских гонений. Будучи рукоположенным во пресвитеры в феврале 1965 года, он через всю свою жизнь пронес любовь к Церкви и богослужению. Иерейская хиротония отца Иоанна была совершена митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (будущим Патриархом Московским и всея Руси) на праздник иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в храме святителя Николая в Кузнецях. Пастырское служение было его призванием, оно занимало все его время и силы. И пример отца Иоанна во многом вдохновил меня на принятие священного сана.

Мне нравилось богослужение, церковное пение, иконопись, а главное — ни с чем несравнимая красота и сила молитвы, которыми пронизан весь строй православного богослужения. Летом 1993 года отец Иоанн благословил меня пономарить в алтаре и читать на службе. Таким образом, ко времени окончания школы вопрос о выборе жизненного пути был для меня уже делом решенным. Духовное образование, которое мне предстояло получить на Богословско-пастырском факультете Свято-Тихоновского института, я воспринимал как необходимое условие для того, чтобы совершать свое служение полноценно, в согласии с традицией и учением Православной Церкви.

— Почему Вы не пошли в семинарию?

— Выбор учебного заведения для получения духовного образования является, на мой взгляд, одним из самых важных для будущего священника, потому что во многом определяет дальнейший духовный путь ставленника и формирует его отношение к предстоящему служению. В середине 1990-х годов список духовных учебных заведений был не таким обширным, как сейчас. Изначально я хотел поступать в Московскую духовную семинарию. Главным аргументом для меня было то обстоятельство, что семинария находилась в Троице-Сергиевой лавре, в которой пребывали мощи моего небесного покровителя — преподобного Сергия Радонежского.

Однако осуществлению моего намерения мешало то, что по еще советской традиции тогда в семинарию принимали только с 18 лет, а школу оканчивали в 17 лет. В Свято-Тихоновском институте такого требования не было: поступить в него можно было сразу после школы. Проблема возможной потери года при поступлении в семинарию наложилась также и на некоторые семейные обстоятельства, которые влияли на окончательный выбор учебного заведения. Находясь перед дилеммой — поступать сразу по окончании школы в ПСТБИ или подождать год и поступать в семинарию, я решил обратиться за советом к архимандриту Иоанну (Крестьянкину).

Будучи уже пожилым человеком, отец Иоанн не мог принимать всех посетителей, потому что поток верующих, приезжавших за советом к старцу в Псково-Печерский монастырь, был очень велик. Тогда я передал через одного своего знакомого, который был другом Псково-Печерской обители, письмо отцу Иоанну, в этом письме я изложил суть проблемы. Вскоре я получил ответ старца. Поступив в соответствии с советом архимандрита Иоанна, я стал студентом Богословско-пастырского факультета Православного Свято-Тихоновского богословского института (тогда еще этот вуз не имел статуса университета).

Во время обучения я старался регулярно приезжать в Троице-Сергиеву лавру к мощам преподобного Сергия, поэтому практически не ощущал, что обучение мое проходит вне стен его обители. Как особое благословение преподобного Сергия я воспринял то обстоятельство, что спустя много лет, в 2007 году, моя священническая хиротония была совершена в один из дней его памяти — в праздник собора Московских святых, в храме его имени, и в обители, основанной одним из его ближайших учеников — преподобным Мефодием Пешношским.

— Почему Вы избрали литургику в качестве специализации?

— Как я уже сказал, еще до поступления в институт меня с особой силой привлекало православное богослужение. Я старался разобраться в его структуре и особенностях, понять содержание богослужебных текстов, священнодействий и обрядов. Читая на клиросе, изучал богослужебные книги, старался читать и специальную литературу,

которая после свойственного советскому периоду дефицита богословских книг к тому времени становилась уже доступной. Проходя обучение в ПСТБИ, я стремился тщательно и внимательно относиться к богословским дисциплинам: Священному Писанию, догматическому богословию, патрологии, истории Церкви и, конечно, к литургии, которой в соответствии с программой обучения уделялось значительное время и которая изучалась в различных аспектах и с разных сторон.

Уже на первом курсе достаточно подробно рассматривались Таинства Церкви. Я благодарен отцу ректору протоиерею Владимиру Воробьеву за интересный и содержательный курс введения в литургическое предание, а также за курс пастырского богословия, которые он читал с большим воодушевлением. Богослужебный устав, который в течение нескольких лет мы изучали под руководством Марии Сергеевны и Ильи Александровича Красовицких (о них я всегда вспоминаю с большой теплотой и благодарностью), находился в центре моих интересов.

Уже начиная с третьего курса все мои научные изыскания, как впоследствии и выпускная квалификационная работа, относились к сфере изучения богослужения Православной Церкви. Заведующим кафедрой литургического богословия был в то время известный и маститый протоиерей Сергей Правдолюбов, читавший нам курс гимнографии. Общение с отцом Сергием обогащало не только в отношении того предмета, который он преподавал, но и в плане дальнейшего пастырского служения, к которому я стремился. Мы изучали и историческую литургику, и практическое руководство для пастырей.

Кстати, последний предмет вел у нас протоиерей Аркадий Шатов, ныне епископ

Орехово-Зуевский Пантелеимон. Думаю, что знания и опыт владыки Пантелеимона, так же как и тех преподавателей, о которых я упомянул, оказали существенное влияние на то, что за годы обучения в ПСТБИ мое желание стать священником только укрепилось. Окончив с отличием Богословско-пастырский факультет, я получил от руководства нашего учебного заведения приглашение остаться преподавателем литургики и богослужебного устава на кафедре литургического богословия. Это послушание я впоследствии долгие годы совмещал и с работой в Издательстве Московской Патриархии, и с пастырским служением. И только значительно возросшие со временем обязанности на этих поприщах церковного служения побудили меня после 17 лет работы в ПСТГУ оставить преподавание. Тем не менее, до сих пор богослужебная сфера церковной жизни лежит в основе моих и профессиональных, и жизненных устремлений.

— Вы говорили в одном из своих интервью, что довольно скептически смотрите на проекты реформы богослужебного языка — почему? Ведь несмотря на то, что церковнославянский язык отличается от русского значительно меньше, чем, скажем, латынь (язык католического богослужения вплоть до середины XX века) от немецкого, разница между ними все-таки есть: для понимания богослужебных текстов на церковнославянском языке приходится прикладывать усилия. Но ведь в Евангелии нигде не сказано, что верующие обязаны для того, чтобы вместе славить Бога, изучать какой-то специальный язык...

— Мне кажется, что вопрос о богослужебном языке, если его вообще поднимать, должен быть предметом отдельной и обстоятельной общецерковной дискуссии. Свою позицию несколько лет назад я излагал в связи с представленными на обсуждение проектами документов Межсоборного присутствия, которые касались богослужебного языка Русской Церкви. Впоследствии эта позиция была опубликована в сборнике «Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви» (М., 2012).

Опасения относительно проектов документов о церковнославянском языке тогда высказывали многие авторитетные священнослужители (например, протоиерей Сергей Правдолюбов, протоиерей Владимир Чувикин). Учитывая резонанс, который данные документы вызвали в среде верующих, епархиальные советы некоторых епархий рассматривали их содержание на своих заседаниях. В частности, такое обсуждение состоялось в Московской областной и в Псковской епархиях. В конечном итоге президиум Межсоборного присутствия счел необходимым продлить исследование темы с привлечением ученых специалистов и отложил рассмотрение этих документов.

Переходя ко второй части Вашего вопроса, хотел бы отметить, что в традиционном представлении молитва (как частная, так и общецерковная) является формой духовного делания и подвига, которые предполагают определенные усилия со стороны молящегося. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Эти усилия требуются от любого человека, который обращается к тексту молитвы, даже если этот текст написан на полностью понятном ему языке.

Православное богослужение, достаточно сложное по структуре и составу, несет на себе отпечаток многовекового бытия Церкви и в значительной степени состоит из элементов библейской поэзии и византийской гимнографии. Без знания библейской истории, основ (а иногда и нюансов) догматического богословия, наследия святых отцов и истории Церкви в полноте понять богослужебные тексты практически невозможно. Даже если попытаться перевести их с высокого «штиля» церковнославянского языка на разговорный русский язык, современный человек, тем более не вполне воцерковленный, вряд ли сможет вместить в себя их глубокое содержание.

Таким образом, перевод богослужения на русский язык сам по себе, на мой взгляд, не может значительно упростить понимание молящимся литургических текстов. С другой стороны, я уверен, что даже поверхностное знакомство с церковнославянским языком может значительно обогатить и расширить кругозор современного человека, не только в смысле более глубокого погружения в атмосферу церковной жизни, но и в общем культурном плане. Бережное отношение к древней языковой традиции в богослужении характерно, например, для греческих Церквей, прихожане которых читают дома Евангелие, как правило, в переводе на современный разговорный греческий язык, а в домашней и церковной молитве используют тексты на классическом древнем языке.

В вопросе богослужебного языка Русской Церкви на мою позицию повлияли слова архимандрита Иоанна (Крестьянкина), который в проповеди 10 июня 1990 года, в день интронизации Святейшего Патриарха Алексия II, донес до нас завещание Святейшего Патриарха Пимена, призывавшего «свято хранить церковнославянский язык — святой язык молитвенного обращения к Богу». Уверен, что этот завет блаженнопочившего Патриарха должен стать залогом того, что в вопросе богослужебного языка Русская Церковь будет проявлять большую осмотрительность и осторожность.

Пресс-служба ПСТГУ/Патриархия.ru

<http://www.patriarchia.ru>